Неделя в исламской истории (24 - 30 раджаб)

Дамир Хайруддин

www.guliyev.org/facts

www.musulmanin.com/author/damir

1110-1699. Подписание Карловицкого мира

24 раджаба 1110 года от Хиджры (16 (26) января 1699) в г. Карловицы был подписан мирный договор между Османской империей и Священной лигой, в которую входили Австрия, Венеция, Польша и Россия. Из-за разногласий между членами антитурецкого альянса с каждым из них были заключены отдельные соглашения: с Речью Посполитой — 16 января, со Священной Римской империей и Венецианской республикой — 26 января, с Россией — 24 января. В результате в Центральной и Восточной Европе оформилась новая расстановка сил. Османская империя навсегда прекратила продвижение на запад, а мировая гегемония перешла к государствам Западной Европы.

В конце XVII века серия военных конфликтов между Османской империей и союзом христианских государств, основанным папой Иннокентием XI и названным Священной лигой, значительно ослабила позиции турок в Европе. Османы лишились союзников на международной

арене, и даже Франция, несмотря на враждебные отношения с австрийским домом Габсбургов, вела двойную игру в отношении Стамбула. После потери Буды в сентябре 1686 г. османы впервые в своей истории попытались инициировать мирные переговоры со своими противниками, но безрезультатно. Военные действия в Трансильвании и Сербии продолжались с переменным успехом, но потери турок были гораздо более ощутимыми. Затяжной конфликт, ослаблявший обе империи, был на руку французам, которые в 1688 г. вероломно вторглись в германские владения. Союзники Священной Римской империи германской нации по военному альянсу против Франции не оставляли попыток склонить турок к подписанию мирного договора. Однако территориальные требования австрийцев и поляков были неприемлемыми для султана, и переговоры всякий раз заходили в тупик.

Летом 1692 г. в Варшаву прибыл посланник крымского хана, который предложил королю польскому и великому князю литовскому Яну III Собескому военную помощь против России с целью возвращения украинских земель, утраченных поляками во время русско-польской войны 1654-1667 гг. Инициатива крымских татар, верных союзников Османской империи, была лишь дипломатической хитростью: посол пытался определить степень готовности Речи Посполитой к подписанию мирного соглашения с османами. В марте 1693 г. польские посланники изложили условия договора султану Ахмеду II, а уже в августе Ян III Собеский получил предварительное согласие османского правительства на заключение сепаратного мира.

Между тем обстановка на фронте складывалась не в пользу Османской империи. После досадного поражения при Сланкамене в августе 1691 г. турецкое командование пыталось сохранить последние опорные пункты в Трансильвании и укрепить Белград, который на короткое время даже оказался в руках австрийцев. После смерти султана Ахмеда II в феврале 1695 г. его преемник Мустафа II попытался переломить неудачный для турок ход войны. В том же году он лично возглавил армию на Балканах и добился некоторых успехов. Однако в 1697 году завершилась между французами и Аугсбургской лигой, в которую входили австрийцы, и Габсбурги перебросили все свои силы на восточный фронт.

В сентябре 1697 г. 60-тысячная турецкая армия была разгромлена императорскими войсками Евгения Савойского в битве при Зенте. Османы потеряли убитыми и ранеными больше половины своей армии, а султан Мустафа II едва избежал плена. После этого поражения великим визирем был назначен Хусейн-паша Кёпрюлю, который направил свою энергию на заключение мира с австрийцами. Последние в свою очередь понимали, что ожидаемая кончина бездетного короля Испании Карла II Габсбурга вскоре ввергнет империю в очередную войну с Францией. Наступил момент, когда все участники многолетнего противостояния были заинтересованы в долгосрочном мире.

Предварительные переговоры, однако, выявили острые противоречия между сторонами. В частности, австрийцы согласились взять за основу принцип сохранения существующего положения вещей uti possidetis, который был предложен великим визирем Хусейн-пашой Кёпрюлю во время переговоров с австрийским канцлером Кински. Поляков же такой подход не устраивал, потому что Подолия и юго-восточные области Украины на тот момент находились в руках турок. После продолжительной дипломатической подготовки в октябре 1698 г. в сербском городке Карловиц, который был захвачен австрийцами, представители государств-членов

Священной лиги и Османской империи собрались для окончательного завершения войны.

Переговоры проходили при посредничестве английских и голландских дипломатов, представлявших короля Англии и Шотландии и статхаудера Нидерландов Вильгельма III Оранского. Из-за разногласий между союзниками общий мирный договор так и не был подписан, и каждый член европейского альянса заключил с османами отдельный договор. В итоге Священная Римская империя, которая во время переговоров отказалась от предварительных договоренностей, выторговала Центральную Венгрию, Трансильванию (за исключением Баната), Бачку (область между Тисой и Дунаем) и почти всю Словению. Австрийцы добивались также присоединения Молдавии и Валахии, но эти княжества остались под властью Османской империи.

Напряженные переговоры с польскими дипломатами завершились тем, что османы уступили полякам Правобережную Украину. Уход турецкого гарнизона из крепости Каменец, которая так и не сдалась врагу во время войны, означал потерю Подолья. В свою очередь Речь Посполитая передала османам Сороки, Нямц, Сучаву и несколько молдавских крепостей. По сути, поляки сумели вернуть себе большую часть земель, потерянных по Бучачскому миру 1672 года. Венецианцы закрепили за собой занятый в 1686 году полуостров Морея, а также шесть крепостей в Далмации и ряд островов Архипелага, принадлежавших им до войны, но отказались от своих завоеваний к северу от Мореи.

Что касается России, то европейские державы не поддержали её интересы на южном направлении. Покинутые своими союзниками, русские дипломаты не смогли заключить мирный договор из-за отказа Османской империи уступить захваченные русскими войсками территории. Поэтому между Россией и Турцией было заключено лишь перемирие сроком на два года. В результате Азовская крепость де-юре отошла к государству Российскому лишь после подписания Константинопольского мирного договора 3 июля 1700 года.

Оценивая территориальные потери Османской империи, следует отметить, что они были не столь большими по сравнению с внутриполитическими последствиями войны. Карловицкий мир вызвал недовольство в правящих кругах Османской империи и среди военных. В августе 1703 г. в Стамбуле началось восстание, к которому присоединилась часть янычар. Повстанцы организовали поход на Эдирне, где султан Мустафа II занимался охотой и предавался развлечениям. В результате монарх отрекся от престола в пользу своего брата, великий визирь Рами Мехмед-паша был смещен, а шейхульислам Фейзуллах-эфенди казнён. Эпоха царствования нового султана Ахмеда III, продлившаяся почти тридцать лет, была отмечена ростом интереса к европейской роскоши и первыми попытками модернизации страны. Между тем борьба между Священной Римской империей и Францией за доминирование в континентальной Европе достигла своего апогея и после смерти испанского короля Карла II вылилась в Войну за испанское наследство (1701-1713).

922-1516. Битва при Мардж Дабике

25 раджаба 922 года от Хиджры (24 августа (3 сентября) 1516) на равнине Мардж Дабик недалеко от Алеппо произошла битва, предрешившая судьбу Египта на несколько столетий. 65-тысячная османская армия под командованием султана Селима I разгромила 80-тысячное войско мамлюков во главе с султаном Кансухом аль-Гаури. Новейшее вооружение в сочетании с железной дисциплиной принесли туркам блестящую победу над лучшей на тот период кавалерией. Потери османов составили 13 тысяч убитых и раненых, а потери египтян — 72 тысячи. В течение следующих двух лет Шам, Египет и Хиджаз были полностью присоединены к Османской империи, которая претендовала на роль защитницы мусульманских земель.

После разгрома Сефевидов в битве при Чалдыране резко обострились отношения между Османской империей и мамлюкским Египтом. После вмешательства Селима I в дела Зуль-Кадарского эмирата, правитель которого по приказу Кансуха аль-Гаури препятствовал снабжению османской армии, египетский султан обвинил османов в посягательстве на территории мамлюков. В результате обе стороны начали подготовку к войне. По свидетельству историка Мухаммада ибн Ахмада ибн Ийаса, в Египте приготовления к походу шли весьма напряженно. Большие расходы вызвали недовольство многих эмиров и даже аббасидского халифа аль-Мутаваккиля III. По приказу султана в египетскую армию стали набирать даже крестьян-феллахов, но это привело к опустошению многих деревень и возмущению эмиров, и султан отменил свое решение. Находившийся в стесненном положении Кансух не соблюдал многих обычаев, связанных с организацией военных походов, что также отражалось на настроении знати. Он приказал приготовиться к сирийскому походу даже халифу и четырем кадиям, чего не происходило на протяжении последних 87 лет.

10 мая 1516 г. первые отряды мамлюков начали покидать Египет, а спустя неделю вышел обоз султана. Мухаммад ибн Ахмад ибн Ийас так описывает это событие: «Султан вступил в Каир через ворота Завила и пересёк его в сопровождении многочисленной свиты. В этот день город дрожал, все жители города встречали его молитвами, женщины из окон разражались радостными криками, а султан в сопровождении свиты продолжал шествовать, пока не вышел из ворот Наср. День этот был памятным». Султан приказал полностью опустошить казну и забрал с собой сундуки с золотом и серебром, превосходным оружием, золочеными седлами, златоткаными потниками и всякими ценными вещами, накопленными им самими и его предшественниками.

Процессия египетского султана, которую сопровождали последний аббасидский халиф, многочисленные вожди племён, богословы, врачи и музыканты медленно продвигалась в Сирию. 9 июня султан чинно вступил в Дамаск: он шел по разостланным коврам, а европейские купцы разбрасывали золотые монеты среди огромной толпы. Через несколько дней он отправился в Хомс и Хаму, а 10 июля вступил в Алеппо (в её цитадели он спрятал казну). В честь монарха повсюду устраивались народные празднества, но это была лишь показная помпезность. Местное население жаждало избавления от непомерных налогов, а эмиры не отличались справедливостью и преданностью. Наместник Алеппо Хайр-бек Сайф ад-Дин даже вступил в тайные переговоры с османским султаном, а когда Кансуху аль-Гаури доложили об этом, тот счёл обвинения беспочвенными.

Тем временем в конце июля 1516 года многотысячная армия Селима I вторглась в Сирию и направилась к Алеппо. 20 августа мамлюки совершили однодневный переход на север к равнине Мардж Дабик, которая была выбрана местом для решающего сражения. Дождавшись появления авангарда османской армии, мамлюки бросились в атаку и завладели преимуществом. Завязалась братоубийственная битва, в которой обе стороны проявили мужество и стойкость. Осознавая превосходство египетской кавалерии, турки выстроили из 300 обозных телег передвижное фортификационное сооружение, внутри которого находились оружие и люди, а на них — 50 медных пушек. Подпустив конницу на расстояние пушечного выстрела, османы открыли по ней огонь из всех орудий. Мамлюки не смогли проникнуть за линию связанных цепями телег и понесли огромные потери. В этот момент командующий левым флангом египтян Хайр-бек дал сигнал об отступлении под предлогом того, что султан Кансух пощадил свою личную гвардию и не бросил её в бой. После этого ратное поле покинул и правый фланг египтян. Согласно некоторым свидетельствам, осознав неизбежность поражения, мамлюкский султан принял яд из перстня и замертво упал с лошади.

Некоторые подробности битвы были описаны Орудж-беком Баятом, послом сефевидского шаха при дворе испанского короля, принявшим католицизм и оставшимся в Испании. В своей книге «История Дон Жуана Персидского» он пишет: «Турки сражались отважно, удачно используя артиллерию, которую Селим приказал солдатам перетащить через перевалы на спине. Они полностью опрокинули египтян. Не спасся и султан Кансух Гаури, затоптанный насмерть, когда он упал с лошади под копыта наступавшей конницы. Ему было в это время семьдесят семь лет. Своей крупной победой, однако, турки были частично обязаны предательству Хайр-бека, который воздержался от участия в битве и вскоре перешёл на сторону султана Селима, бросив своего старого повелителя и поверив обещанию чужестранца о вознаграждении. В дальнейшем

же султан с подозрением относился к этому предателю. Все это время [шах] Исмаил Суфи выжидал, наблюдая за событиями, но, увидев, что султан Селим весьма успешно разгромил мамлюков и завоевал Египет, воздержался от вмешательства и бросил своих союзников на произвол судьбы, хотя именно он был главным зачинщиком войны против турок».

Таким образом, дисциплинированная и хорошо вооруженная османская армия одержала уверенную победу над превосходящими силами мамлюков. Быстро перенимая от европейцев последние новинки в сфере военных технологий и развивая собственные, османы успешно использовали их против своих противников. Мощная артиллерия и хорошая организация обеспечивали османской армии преимущество вплоть до конца XVII века. Неслучайно во времена царствования Ивана Грозного русская армия была реформирована по османскому образцу. Хотя об этом не было принято говорить вслух, путешественник Яков Рейтенфельс, посол Франческо Тьеполо, мемуарист Кристоф Герман Манштейн отмечали большое сходство между тактикой русских пехотинцев и турецких янычар.

797-1395. Битва при Ровине

26 раджаба 797 года от Хиджры (17 (25) мая 1395) в долине реки Арджеш произошло решающее сражение между 40-тысячной армией под командованием султана Баязида I и 10-тысячным войском валашского воеводы Мирчи Старого. После ожесточенных боев, продолжавшихся неделю, обе армии, понеся ощутимые потери, отступили: валахи ушли в

Трансильванию, а османы отошли за Дунай. В сражении на стороне турок погибли видный сербский вельможа Константин Деянович и герой народных сказаний Марко Кралевич. После битвы при Ровине османский султан утвердил господарем Валахии Влада I, который в том же году, получив военную помощь от турок, отбил попытку венгерского короля вернуть на валашский трон Мирчу Старого.

Султан Баязид I взошел за османский престол 15 июня 1389 г., после гибели Мурада I на Косовом поле. В его планы входило продолжение наступательной политики своего отца, но прежде нужно было усмирить анатолийские бейлики, которые в борьбе за самостоятельность объединились вокруг Караманидов. Перед возвращению в Анатолию Баязид вступил в переговоры со Стефаном Лазаревичем, сыном сербского правителя Лазаря Хребеляновича, также погибшего на Косовом поле. Стефан признал себя его вассалом, а Баязид женился на его сестре Оливере. Когда султан уже покинул румелийские владения, командующий османской армией Паша Йигит-бей сломил сопротивление косовского правителя Вука Бранковича и взял под свой контроль Скопье. Баязид сумел укрепить свои позиции в Анатолии, но урегулирование разногласий с местными князьями отняло у него много сил, чем не преминули воспользоваться противники османов — венецианцы и венгры. Первые активизировались в Морее и Албании, а венгерский король Сигизмунд, будущий император Священной Римской империи, попытался распространить свое влияние на Болгарию. Эти обстоятельства вынудили Баязида перебросить главные силы на западный фронт.

17 июня 1393 г. османские войска заняли столицу Болгарии — Тырново. Болгарский царь Иоанн-Шишман был вынужден признать себя вассалом султана и удалился в Никопол. Той зимой Баязид пригласил балканских правителей, включая византийского императора Мануила II, в город Серре (ныне Центральная Македония), чтобы заручиться их поддержкой. Он даже потребовал от брата византийского императора Феодора, деспота Мореи, передать османам все значимые укрепления на полуострове для войны против венецианцев. В отчаянии византийский император был вынужден обратиться за помощью к самим венецианцам, что дало повод Баязиду вторгнуться в Грецию. Захватив Фессалоники, которые в 1387 году уже были захвачены османами, но спустя два года вновь перешли к византийцам, и ряд других крепостей, османы вторглись в Фессалию и Восточную Фракию. Войска султана осадили Константинополь, одновременно ведя успешные боевые действия с венецианцами на западном побережье Македонии и в Морее.

Весной 1395 г. 40-тысячная османская армия, пополненная сербскими отрядами, начала успешное наступление на север и вторглась в Валахию. Валашский воевода Мирча Старый перед лицом османской угрозы заключил политические союзы с королём Польши Владиславом II Ягелло и королём Венгрии Сигизмундом. Его политический противник Влад Басараб решил сместить его, воспользовавшись поддержкой османов. Когда османы перешли Дунай, опытный валашский воевода развязал против них партизанскую войну. Нападая на небольшие отряды османов и уничтожая их обозы, валахи старались ослабить и измотать противника. Обе стороны несли большие потери, пока, наконец, не сошлись для решающего сражения близ Ровине, в долине реки Арджеш. Леса и болота вокруг места сражения не позволяли османам воспользоваться своим численным преимуществом, однако это не остановило султана Баязида.

О том, что произошло во время битвы, сохранилось мало сведений, но даже скудные упоминания о ней сильно разнятся.

В сербской хронике говорится: «После того обратился Баязит с турками на румунов и в борьбе с Мирчею Воеводою так сильно сразился, что настал мрак, не было видно света от множества стрел. Баязит, наконец, потерял своё войско совсем, а паши и воеводы погибли все. Тогда погибли Константин Драгович и Марко Кралевич, а крови так много было пролито, что вся долина была окровавлена. Баязит между тем, убоявшись, бежал и, перешедши Дунай, поставил наблюдателей за всеми переправами, Шушмана же, Господаря Словянского схватил, убил года 6903 (1395) и тогда-то захватили турки всю Словянскую землю». Похожие сведения приводятся и в византийской хронике: «В 6903 лето [от сотворения мира] султан Баязид Илтирим сам лично ходил за Дунай, на валашского воеводу Мирчу. И был побеждён влахами, и Мирча с влахами перебил его войско, и захватил его имущество, и преследовал его до Дуная. И тогда был убит король Марк, и Константин государь Жеглигово. А Баязид Илтирим едва смог убежать с небольшим числом своих людей».

В турецких источниках, наоборот, говорится о поражении Мирчи Старого, после которого Влад Басараб провозгласил себя воеводой Валахии. В одной из османских хроник сказано: «Войдя в Валахию, [султан] встретил сопротивление воеводы Мирчи, румынского бека, который не дал ему пройти далее. Началась война, и разгорелась битва против войска румынского, которая длилась всю неделю на берегах реки Арждеш. В конце концов с румынским воеводой был заключён мир. Он ушёл в свою страну, а [Баязид] Йылдырым, переправившись через реку Арждеш, остановился перед крепостью Никопол».

Несмотря на разночтения в исторических хрониках, все они сходятся в одном: потери обеих сторон были огромны. Как сообщают турецкие источники, ночью османы подбирали трупы своих товарищей с поля боя и сбрасывали их в реку, а на рассвете у валахов складывалось впечатление, что противник накануне не понес ощутимых потерь. В этом сражении особо отличился опытный военачальник Эвренос-бей, который посоветовал султану отделить свой лагерь от остального войска и окружить его личной гвардией из отборных янычар. Эту же тактику османы применили в битве при Никополе в 1396 году и успешно использовали до XVIII века. Валахи не могли пробиться в лагерь султана и несли большие потери во время своих атак, что в итоге вынудило их отступить. Сразу после сражения султан Баязид направился к городу Никопол и 3 июня 1395 г. низложил болгарского царя Иоанна-Шишмана. В июле 1395 года посол венгерского короля прибыл в Париж и предстал перед королем Карлом VI: «Сообщаю вам прискорбную весть, что Баязид, самый жестокий из тиранов, пленил почти всех христиан Болгарии, Валахии и Паннонии … и что города этих областей, когда-то подчинённых венгерскому королю и вере христианской, в большинстве своём попали под тяжкое иго турок».

583-1187. Освобождение Иерусалима

27 раджаба 583 года от Хиджры (2 (9) октября 1187) исламская армия под командованием султана Египта Салахуддина аль-Аюби вступила в Иерусалим после 88-летней оккупации города крестоносцами. Двухнедельная осада завершилась капитуляцией христиан, получивших право покинуть город за небольшой выкуп, от которого были освобождены все неимущие. Христиане, пожелавшие покинуть город, были снабжены продовольствием и под охраной препровождены на земли, остававшиеся под властью крестоносцев. Великодушие, проявленное мусульманами при освобождении Иерусалима, поразило даже христианских летописцев. Вместе с тем европейцы были удручены потерей "святого града". Папа римский Григорий VIII выпустил буллу о начале нового крестового похода, а для финансирования похода во Франции и Англии была введена "Саладинова десятина". Франки еще более столетия удерживали города на побережье и замки в горах, но исход противостояния уже был предрешен.

После важнейшей победы над крестоносцами при Хаттине 4 июля 1187 г. султану Египта Салахуддину аль-Аюби в короткое время удалось завладеть замками и крепостями франков на берегу Средиземного моря. В каждой крепости — Акре, Наблусе, Яффе, Тороне, Сидоне, Бейруте и Аскалоне — мусульманский военачальник оставлял небольшой гарнизон, а сам двигался дальше. К середине сентября мусульманская армия была готова к решающему походу на Иерусалим.

Поскольку король Ги де Лузиньян находился в плену, фактическим правителем Иерусалима был сеньор Наблуса Балиан II. Он был одним из немногих, кто избежал гибели или пленения при

Хаттине, и укрылся в крепости Тир. Оттуда Балиан попросил Салахуддина разрешить ему безопасный проход в Иерусалим, чтобы забрать жену Марию Комнину и семью. Салахуддин удовлетворил его просьбу, взяв клятву, что Балиан не поднимет против него оружия и пробудет в Иерусалиме не более одного дня. Но патриарх Ираклий, супруга Ги де Лузиньяна Сибилла и остальные жители просили Балиана взять на себя оборону города. Ираклий говорил, что он обязан остаться ради христианской веры, и предложил освободить его от клятвы. Балиан согласился и в течение полутора месяцев укреплял город для отражения штурма.

Пока войска Салахуддина стояли под Аскалоном, Балиан попросил его именем Бога дать охранную грамоту его жене и детям для препровождения их в Триполи. Он сообщил, что не может выполнить данной им клятвы, потому что за ним так строго наблюдают, что нет возможности уйти. Султан в очередной раз проявил благородство и удовлетворил просьбу противника. Он также оказал любезность Иерусалимской королеве Сибилле, позволив ей отправиться в Наплузу, где в тот момент находился пленный король Ги де Лузиньяна. Между тем в Аскалон прибыла депутация горожан из Иерусалима, которым было сделано предложение о капитуляции города на почётных условиях. Салахуддин сказал им: "Я вам дам 30 тысяч византинов, если вы обещаете сдать Иерусалим. Вы можете идти на пять миль в сторону, куда пожелаете, и можете пахать землю в 5 милях от города; я вам доставлю столько съестных припасов, сколько их нигде нет по такой дешевой цене. Предлагаю вам перемирие до Пятидесятницы; и когда это время наступит, защищайтесь, если получите откуда-нибудь помощь; но если никто не придет к вам, сдайте город, и я прикажу отвести вас в целости и сохранности на христианскую землю со всем вашим имуществом". Однако горожане отвергли предложение султана.

20 сентября 1187 г. мусульманская армия встала под стенами древнего Иерусалима. До начала осады Салахуддин снова предложил жителям сдать город на почётных условиях, чтобы избежать ненужных жертв, но христиане в очередной раз ответили отказом. Битва за город началась у западной стены, где располагаются Яффские и Дамасские ворота. Несмотря на отчаянные попытки осаждающих закрепиться у стен города, христианам удавалось без ощутимых потерь отбивать их атаки. Через шесть дней султан перевел свой лагерь к восточной стене, где не было крупных ворот, из которых франки могли бы делать вылазки. Кроме того, с Масличной горы можно было наблюдать за всем, что происходило за крепостными стенами. Всю ночь мусульмане обстреливали город из метательных машин, а утром три отряда хорошо вооруженных солдат под прикрытием лучников пошли на приступ и сумели подвести осадные орудия к городской стене. Нехитрый замысел Салахуддина заключался в обрушении части оборонительных укреплений, и уже 29 сентября подкопанная часть стены рухнула. В городе началась паника, и желающих защищать крепостные стены, несмотря на обещанную большую плату, было немного.

Согласно свидетельству Бернарда Казначея, женщины погружали дочерей в чаны с холодной водой и отрезали им косы, священники и монахи ходили по городским стенам с крестом в руках, но "грязная и вонючая роскошь и распутство не допускали молитвы подняться к Богу. Наш Господь не хотел более терпеть их и до того вымел город от жителей, что в нем после не осталось ни мужчины, ни женщины, ни ребёнка, кроме двух пожилых людей, которые также не долго жили после того".

После совещания городской знати было принято предложение патриарха о капитуляции. Балиан отправился в лагерь мусульман с предложением о сдаче города, и Салахуддин согласился при условии, что франки заплатят выкуп в размере 20 ливров за мужчину, десять — за женщину и пять — за ребенка, а неспособные заплатить выкуп попадут в рабство. Балиан несколько раз ходил к Салахуддину, умоляя его именем Бога снизить выкуп, и в итоге султан назначил для мужчин 10 ливров, для женщин — 5 и для детей один. Что же касается бедняков и неимущих, то Салахуддин согласился освободить 7000 жителей за 30 тысяч византинов. Двум женщинам или десяти детям было разрешено занять место одного мужчины по той же цене. Остальных бедняков, которых было много тысяч, богатые франки выкупали без особого энтузиазма, потому что им было позволено покинуть город со всеми пожитками. Брат султана Ахмад ибн Айюб попросил дать ему тысячу человек, не способных заплатить выкуп, а потом отпустил их. Так же поступили патриарх и Балиан, которым Салахуддин подарил соответственно семьсот и пятьсот человек. Тогда Салахудин приказал объявить в городе, чтобы все бедные выходили, повелев при этом задержать тех, при обыске которых будет найдено, что они имели чем выкупиться. В результате в городе остались только 11 тысяч жителей, освобождение которых султан не пожелал обсуждать.

Пока жители города продавали и закладывали свое имущество, чтобы заплатить выкуп, к Салахуддину пришла делегация жен и дочерей рыцарей, которые были убиты или взяты в плен в предыдущих сражениях. Как пишет Бернард Казначей в своей «Истории завоевания заморской земли», "когда Саладин увидел их плачущими, он возымел великую жалость и приказал им справиться, живы ли их господа, и выпустить всех, которые окажутся в темницах; и всех, кого нашли, выпустили. После того он приказал щедро наградить из своего имущества тех дам и девиц, которых отцы или господа умерли; одним было дано больше, другим меньше, смотря по состоянию. Им дали столько, что они прославляли пред Богом и добрыми людьми благодеяние, оказанное им Саладином".

В пятницу 27 раджаба Салахуддин в сопровождении улемов и послов соседних государств торжественно вступил в Иерусалим. Первым делом он направился к мечети аль-Акса и приказал сбросить на землю большой золочёный крест, помещённый над храмом. Потом стены и двери мечети были омыты розовой водой, специально доставленной из Дамаска. Лишь после этого султан вошёл в мечеть и совершил в ней молитву, возблагодарив Всевышнего за помощь и победу. Он прекрасно знал о зверствах, которые крестоносцы учинили во время завоевания Иерусалима. Еще свежи были воспоминания о вероломствах рыцарей, с которыми ему пришлось сразиться на пути к этой громкой победе. Однако ничто не помешало легендарному полководцу остаться до конца верным высоким идеалам ислама, и его пример вдохновил сотни тысяч единоверцев. Мусульмане не только выполнили все условия капитуляции, но и позаботились о тысячах франков, не имевших средств для возвращения в Европу.

Дело в том, что покинувшие Иерусалим христиане попытались найти приют в Триполи, но не были допущены в город. Как пишет Бернард Казначей, "граф Триполи приказал запереть ворота и не впускать никого. Он даже выслал своих рыцарей в поле, чтобы отнять у них то имущество, которое им предоставил Саладин. Большая часть бедных удалилась в земли Антиохии и Армении; другие остались у Триполи, и после были впущены туда. Но жители Аскалона не нашли себе приёма в окрестных замках, и потому пошли на зимовку в Александрию; когда христиане приблизились к Александрии, паша устроил им стан, окружил его и приказал

охранять, чтобы с ними не приключилось какого-нибудь бедствия. Так они благополучно провели зиму до марта, когда они пустились морем в христианскую землю. При этом я расскажу вам, как поступали с ними в Александрии. Сарацинские старшины города Александрии выходили ежедневно за город и награждали христиан деньгами и хлебом. Богатые же люди, имевшие довольно денег, закупили товары, поместили их на корабли и, отправившись за море, нажились. Вот что с ними приключилось: в Александрии зимовало 38 кораблей пизанских, генуэзских, венецианских и других наций, делавших большие закупки к месяцу марту. Когда наступил март и те, которые наняли корабли, сели на них, осталось, по крайней мере, тысяча христиан, которые не могли нанять кораблей, ни купить съестных припасов для помещения на них. Хозяева кораблей пришли к Александрийскому паше для уплаты ему того, что следовало, и просили возвратить им паруса и рули, желая при первой хорошей погоде и ветре выйти в море. Паша же отвечал им, что они не получат от него ни рулей, ни парусов, пока не поместят на корабли всех бедных христиан. Но они отказывались, говоря, что бедные не имеют ничего, чтобы заплатить за переезд и купить съестные припасы. «Что же вы хотите сделать?» говорил паша. Они отвечали, что оставят их и не возьмут на корабли. Тогда паша спросил их, христиане ли они, что они подтвердили. «Как же, — продолжал паша, — вы хотите оставить их в рабстве у Саладина? Это невозможно; вы должны их взять с собою. И вот как я поступлю в этом случае, для Бога и для них: я дам им столько хлеба и воды, сколько им нужно, а вы посадите их на корабли; иначе я не отдам вам ни рулей, ни парусов». Когда мореходы увидели, что им нечего делать, они согласились. «Но вы дайте мне клятву, — сказал паша, — призвав всех ваших святых, что вы отвезёте их как следует в христианскую землю, и не высадите их за то, что я принудил вас, иначе, как вместе с богатыми людьми, и не причините им никакого зла; если же я узнаю, что вы поступили с ними дурно, то я отмщу на купцах вашей земли, которые явятся в нашу страну». Так отправились в безопасности те христиане, которые, пройдя сарацинскую землю, пришли на зиму в Александрию".

848-1444. Битва при Варне

28 раджаба 848 года от Хиджры (10 (19) ноября 1444) близ города Варна произошло крупное сражение между османской армией под командованием султана Мурада II и объединенной армией крестоносцев во главе с королём Польши и Венгрии Владиславом III. Союзники потерпели поражение: их предводитель Владислав III был убит, папский легат вместе со знатью попал в плен, а венгерский воевода Янош Хуньяди бежал на родину. Радость мусульман была так велика, что султан Египта Джакмак аз-Захир даже приказал во время проповедей во всех каирских мечетях упоминать османского султана наряду с халифом аль-Мустакфи II. Поражение стало тяжелым ударом для христиан Центральной Европы, а османы получили возможность укрепить свои позиции на Балканах.

После смерти польского короля Владислава II Ягайло в 1434 году королём Польши был объявлен его 10-летний Владислав, а фактическим правителем страны стал регент — епископ Краковский Збигнев Олесницкий. Юноша воспитывался в духе фанатичного католицизма, был физически крепок и умен, и уже в 1438 году объявил себя совершеннолетним и начал править самостоятельно. Когда в 1440 году брат Владислава Казимир, посланный в Литву наместником, короновался Великим князем Литовским, большинство польских феодалов требовали организовать поход на Вильну. Но юный Владислав проявил политическую дальновидность и вместо развязывания братоубийственной войны отправился в Венгрию. Дело в том, что в конце 1439 года неожиданно скончался король Германии, Чехии, Венгрии и герцог Австрии Альбрехт II из династии Габсбургов. Его единственный сын Ладислав Постум родился лишь спустя четыре месяца после смерти отца. Поэтому венгерские вельможи во главе с воеводой Яношем Хуньяди выступили сторонниками личной унии с Польшей, которая существенно повышала их

шансы в борьбе против османов. Это отвечало интересам и части польских феодалов, считавших перспективным укрепление государства за счет южных земель. Владислав стал выразителем интересов этой «партии», и 17 июля 1440 г. в Буде он был объявлен королем Венгрии.

Между тем успехи османов на Балканах беспокоили не только соседей, но и "святой престол". Покончив с гуситским движением, которое опустошило Богемию и соседние земли, папа Евгений IV обратил свой взор на восток. Он наладил отношения с московским князем Иваном Калитой и даже решился проповедовать крестовый поход против османов в пользу королевства Кипрского, острова Родоса и Константинополя. Роль избавителя христианских народов выпала амбициозному польско-венгерскому королю Владиславу, и понтифик призвал всех истинных католиков присоединиться к его войску. Крестовый поход был объявлен 1 января 1443 года, и вскоре под началом Владислава была 40-тысячная армия, состоявшая из венгров, поляков, чехов, словаков, немцев, валахов, сербов, боснийцев и украинцев.

Османы, занятые борьбой с Караманидами в Малой Азии, оказались не готовы к вторжению и в ноябре под Нишем потерпели поражение от крестоносцев, которыми командовал 56-летний венгерский полководец Янош Хуньяди. Крепости Ниш и София пали, и только лютая зима и голод остановили продвижение союзников. Султан Мурад II отправил к Владиславу послов с предложением десятилетнего мира на выгодных условиях: Венгрия получала несколько крепостей на Дунае, Валахия и Босния обретали независимость, а Сербия становилась вассалом Владислава. Кардинал Джулиано Чезарини выступил против прекращения войны, но Янош Хуньяди убедил короля склониться к миру. 12 июня 1444 г. в Эдирне был подписан мирный договор, и Владислав в один миг стал героем всей христианской Европы. В то же время Мурад II решил отойти от государственных дел и передал трон своему 12-летнему сыну Мехмеду.

Воспользовавшись ослаблением власти в Османской империи, советники Владислава под влиянием папы в один голос стали убеждать его разорвать договор и добить турок. Король некоторое время сомневался — ведь он поклялся на Библии не нападать на османов в течение десяти лет. Но в конце концов кардинал Чезарини привел в Буду отряд папских рыцарей и передал королю личное позволение понтифика нарушить клятву. В сентябре 1444 года Владислав III нарушил мирное соглашение и начал быстро продвигаться вглубь османских владений. Узнав о вероломстве венгров, юный Мехмед направил отцу срочное послание, в котором было сказано: "Если Вы султан, то обязаны возглавить государство в этот тяжелый момент. Прошу Вас, станьте главнокомандующим армии! Если же я — султан, то напоминаю Вам, что Вы должны подчиняться моим приказам, а я приказываю Вам возглавить Вашу армию". Опытный полководец, одержавший немало побед в Греции, Сербии и Валахии, внял просьбе сына и прибыл в Эдирне. Сорокатысячная османская армия при содействии генуэзских моряков была переброшена в Румелию, где соединилась с 20-тысячным румелийским контингентом и двинулась навстречу наступающему противнику.

Тем временем польско-венгерские войска прошли через Болгарию и вышли к Черному морю, где заняли ряд городов. 9 ноября 1444 г. крестоносцы достигли Варны и расположились лагерем в ожидании кораблей генуэзских и венецианских купцов, посланных папой, чтобы перевезти христианское войско к Константинополю. Однако неожиданное появление турок в тылу спутало их планы. Жан де Ваврин пишет: "В первую ночь, когда король Венгрии и его люди разбили

лагерь при Варне, они увидели большие костры на горе в нескольких местах. Король спросил, что за костры то были, и некоторые греки-христиане ему ответили, что то могли быть костры крестьян, сжигающих сухую траву, чтобы новая лучше росла весной. Однако Янош Хуньяди, Венгрии воевода, сказал королю: "Ваше величество, не верьте мне больше никогда, если не так то будет, но говорю я вам, то турки к вам идут на битву". После чего он сел на лошадь и отправился правду узнать. Он ехал до тех пор, пока отчетливо не услышал звук барабанов, тогда вернулся он и сообщил кардиналу и королю, что могут те быть уверены, что то были турки и что завтра начнут они сражение". Узнав о приближении османов, кардинал Джулиано Чезарини предложил отступление, но юный монарх горел желанием снискать славу победителя турок и дать генеральное сражение.

10 ноября 1444 г. под Варной развернулась историческая битва. Жан де Ваврин продолжает: "Двумя часами позже вернулись с гор еще несколько разведчиков короля и сообщили ему, что турок двигается к ним с тремя отрядами, один верхом, других два пешие, чтобы сразиться с войсками короля. Тогда королю Венгрии посоветовали разбить войска на три отряда тоже. Воевода Венгрии, которого прозвали Белым рыцарем, был в авангарде и выделен был для охраны широкого пути, что в порт с гор шел. Тогда же стал он класть посреди той дороги камни и хворост. Король и кардинал возглавили второй отряд, а два знатных польских господина командовали третьим, что был в качестве арьергарда. Высокопоставленный же турок, как все узнали позже, доверил свой авангард сарацину по имени Караджабей (то значило командующий войском или армией), которому он передал командование над всеми, кто был верхом. Турок лично участвовал в сражении со своими пешими янычарами. Все состояли из отступников христиан и рабов, все они были стрелками, все в белых головных уборах. Турок по имени Балтаоглу командовал третьим отрядом, что был их арьергардом. Третий отряд их состоял из греков, турок и христиан, в целом, внушительное то ядро отряда было".

Битва последнего крестового похода началась успешно для венгерско-польского войска. На правом фланге войска Яноша Хуньяди заметно потеснили турок, а центр христианской армии действовал ещё успешнее. Вот как описывает начало сражения один из его участников, немецкий рыцарь Могест Ганс: "Христианские войска плотнее встали, когда к ним турок вражеское войско все ближе подползало... Когда гора уж позади врага была, христиане им навстречу понеслись, враг тоже не дремал, начав в ответ атаку... Тогда врага увидев, христианские войска уж издали стали его атаковать, вдали от своего военного обоза. Георгия святого знамя выставили они вперед, да так, что видеть мог я крест красный, что на белом флаге развевался. В достойном поединке с язычниками столкнулись христиане. По-моему, так обе стороны были тогда на высоте, сражались знатно. И отовсюду доносилось звучание громкое войны орудий, бесчисленные трубы христианских войск громом гремели. И тут же от армии турецкой доносились, неистовствуя, оглушая, литавр звуки. Повсюду шум и крики, слышны удары и клацанье мечей, но звонче остального орудий боя звук был, когда друг друга яростно войска атаковали. Летело столько копий, будто то соревнование было, будто весь свет надвое раскололся. От луков бесчисленных такая трескотня стояла, будто на то поле слетелись всего мира аисты и клювом щелкали. Гремело все так, будто раскаты грома раздавались. Стрелы взлетали вверх, кузнечикам подобно, что из травы выпрыгивают. Как солнце облака затмили стрелы свет. Их жаркий бой час длился, тогда же ни одна из двух сторон позиции свои сдавать не собиралась. Но к завершению ближе, христианам удалось бесчисленную турок армию сломить и сквозь нее пробиться. И пали наземь турецкие орудия и знамена, сами они бежали. И все они были убиты. Но тысяче из них все ж удалось бежать, бежали те к горе, туда, где турок

император с войском своим расположился. Доблесть на турка тут же сошла. Увидев такое положение, своим выступили на подмогу тогда и остальные турки, что оставались на горе. Теперь они против христиан пошли".

Спустя два часа после начала битвы король спросил у турецких пленных, был ли среди убитых султан. Ему ответили, что не был. Получив сведения о месторасположении султана, Владислав принял решение лично сразиться с ним на горе. Опытный воевода Хуньяди, вернувшись после удачной вылазки, в ходе которой был убит Караджа-паша, отговаривал юного короля от атаки, сказав: "Ваше превосходительство, весь день в вашем распоряжении. Не подвергайте себя риску, идя на гору против лучников, поскольку они всех ваших лошадей перебьют и отправят всех людей ваших на погибель". Однако многие рыцари и вельможи возражали: "Ваше превосходительство, воевода получил свою победу и наслаждается ее славой. Вторая битва должна быть нашей". Тогда Владислав во главе 500 польских и венгерских рыцарей ударил по центру турецкого войска, где находился корпус янычар и сам Мурад II. По свидетельству турецкого историка Ходжи Саадеддина-эфенди, король с длиннейшим мечом в руках первым врезался в ряды янычар, и никто не мог отбить его страшных ударов. Владислав был в нескольких саженях от султана и тот уже собирался отдать приказ об общем отступлении, когда старый янычар Ходжа Хазер нырнул между копытами королевского коня и ударил его ятаганом в незащищенное панцирем брюхо. Конь рухнул на землю, и Ходжа Хазер одним ударом отсек Владиславу голову. Османы тут же насадили голову короля на копье и высоко подняли ее над полем брани. Когда воодушевленные мусульмане начали теснить противника, не помогли даже усилия опытного Хуньяди. Лишь благодаря подвигу 400 чешских гуситов, которые в течение часа сдерживали натиск турок и погибли все до последнего, венгерскому воеводе удалось спасти часть войска. На поле под Варной остались лежать около 10 тысяч крестоносцев. Среди убитых был и вдохновитель крестового похода кардинал Джулиано Чезарини.

После победы под Варной султан Мурад II несколько лет хранил голову Владислава в стеклянном сосуде с медом как военный трофей. Это было своего рода признанием мужества и отваги достойного противника. Между тем король Владислав III, погибший "за веру Христову", до сих пор не причислен к лику католических святых. Некоторые исследователи видят причину этого в том, что неженатый монарх был гомосексуалистом. Польский хронист и современник короля Ян Длугош, намекая на нетрадиционную ориентацию Владислава, писал, что "он слишком своим телесным желаниям подчиняется и даже не пытается избавиться от своей постыдной и мерзкой зависимости".

893-1488. Битва на реке Рубас

29 раджаба 893 года от Хиджры (9 (18) июля 1488) на реке Рубас недалеко от Дербента произошла битва между отрядом кызылбашей под командованием Хайдара ибн Джунейда и войском ширваншаха Фарруха Ясара. Суфии-гази, вторгшиеся в пределы государства Ширваншахов из Южного Азербайджана, потерпели поражение, а их духовный лидер погиб на ратном поле. В победе ширваншаха большую роль сыграл 4-тысячный отряд Сулейман-бека Биджана, посланный султаном Якубом Ак-Коюнлу. После этой битвы отношения между преемниками Узун Хасана и орденом сефевийя приняли враждебный характер: двухлетнего сына Хайдара, будущего основателя государства Сефевидов Исмаила с двумя его братьями скрывали сперва в монастыре Ахтамар, а затем в крепости Истахр. В дальнейшем Исмаил нашел убежище у владетеля Гиляна, а в возрасте 13 лет он начал вооруженную борьбу за власть, построив на развалинах государств Ширваншахов и Ак-Коюнлу новую империю.

Сефевиды ведут свое происхождение от шейха Сефи ад-Дина Исхака Ардебили (1252-1334), основателя тариката сефевийя в Ардебиле. География его последователей была весьма обширна и включала не только Ардебиль, Карадаг, Талыш и другие области Азербайджана, но и Турцию с Персией. Социальный состав его мюридов также был широк — от крестьян, ремесленников и сельских старост до феодалов и даже правителей. Позднее шейху Сефи стали приписывать шиизм, хотя в действительности шиизм был принят его преемниками во второй половине XV в.

После шейха Сефи во главе такриката были его потомки: шейхи Садр ад-Дин Муса (1334-1392) и Ходжа Али (1392-1427). Их влияние было огромно, но они не имели светской власти и не

стали правителями Ардебиля. Первым правителем Ардебиля стал правнук Сефи ад-Дина шейх Ибрагим Шейхшах (1427-1447). Его сын Джунейд (1447-1460) сблизился с правителем Диярбакыра Узун Хасаном, женившись на его сестре Хадидже. От этого брака родился Хайдар (1460-1488), который рос в Диярбакыре под присмотром своего дяди Узун Хасана, потому что 4 марта 1460 г. шейх Джунейд погиб в битве с ширваншахом Халилуллой. После гибели Джаханшаха и падения государства Кара-Коюнлу в 1470 г. Узун Хасан посетил Ардебиль и торжественно утвердил шейха Хайдара на наследственном посту главы сефевидского ордена. Впоследствии Узун Хасан женил Хайдара на своей дочери Алемшах-бегим (христианское имя Марта). Как пишет Орудж-бек Баят (1560-1604), посол Сефевидов при дворе испанского короля, оставшийся в этой стране и принявший католицизм, "Узун Хасан отдал Хайдару в жены свою дочь. Таким образом, Хайдар стал его зятем, и в результате этого бракосочетания Исмаил, сын Хайдара, мог утверждать своё родство по линии матери с бывшими царями Персии, а по линии отца он принадлежал к роду Али. Кроме того, жена шейха Хайдара Марта была христианкой, будучи дочерью королевы-христианки Деспины, жены Узун Хасана, которая сама была дочерью Кало Иоанна [последнего] императора Трапезунда. Из того следует, что не пустым хвастовством является утверждение сефевидского шаха Персии, что он друг могущественных христиан в Европе, поскольку половина его крови по прямой линии идет от наиболее благородного христианского дома — от греческих императоров Константинополя". Между тем возведение родословной шаха Исмаила к потомкам Али ибн Абу Талиба, да будет доволен им Аллах, было не более чем легендой, выдуманной для легитимизации духовной власти Сефевидов.

При Хайдаре орден сефевийя фактически превратился в военную организацию, а его последователи стали называться кызылбашами (красноголовыми). Как пишет Аббас-кули Бакиханов, шейх Хайдар приказал своим мюридам вместо туркменской такие носить красную остроконечную шапку, изготовленную из двенадцати лоскутов (указание на верность двенадцати имамам из рода пророка, мир ему и благословение Аллаха), объявив народу, что это было приказано ему свыше во сне. После создания шиитского государства в Азербайджане и Иране кызылбашами стали называть всех сторонников Сефевидов — как тюрков, так и персов. Причем выделялись они не только одеждой, но и внешним видом: мужчины брили бороду наголо, на голове оставляли чуб и отпускали длинные усы. В начале XVI в. в государстве Сефевидов даже был введён налог на ношение бороды, упразднённый шахом Сефи I (1628-1642).

После смерти Узун Хасана в 1478 году его сын Якуб, новый правитель Ак-Коюнлу, не чувствовал расположения к шейху Хайдару. Он был сторонником сильной центральной власти и усилил гонения на шиитов, которые вовсю распространяли свои идеи, пользуясь недовольством как простого народа, так и некоторых феодалов. В таких условиях шейх Хайдар увидел возможность усиления ордена в успешной войне против ширваншаха Фарруха Ясара, и в 1488 году отряд кызылбашей выступил в поход на Дербент. Османский историк Али-бей Бедреддинзаде в своём труде «Кайме» указывает на религиозные истоки этой войны: кызылбаши считали дозволенным убийство суннитов и сжигание их книг, публично поносили праведных халифов Абу Бакра и Умара, возносили молитвы к имаму Али и оправдывали свои поступки кощунственными изречениями, которых нет даже в почитаемых ими книгах.

Неудивительно, что суннитское население не позволило кызылбашам войти в Дербент, и шейх Хайдар был вынужден осадить город. Фаррух Ясар был не в состоянии самостоятельно отстоять Дербент и запросил помощи у султана Якуба, своего зятя, извещая, что если кызылбаши сумеют

овладеть Ширваном, то все царство туркменское подвергнется опасности. Султан Якуб послал на помощь ширваншаху Сулейман-бека Биджана с 4-тысячным отрядом. Когда войско туркменов приблизилось к Дербенту, кызылбаши сняли осаду и начали готовиться к решающему сражению, которое состоялось на табасаранской земле, на левом берегу Рубаса.

Самые подробные сведения об этой битве поведал очевидец тех событий, персидский историк Фазлуллах ибн Рузбихан Хунджи в своей летописи “Тарих-и аламара-йи Амини”: "Эмиры, отправившиеся [сразиться] с шейхом Хайдаром, следовали по дороге Карабага, идя каждый день в самый зной июля, в то время, когда от жара пылающего солнца, земной шар был подобен огненному ядру. Вместо зефира, навевающего сладкие запахи, дул жизнеразрушающий самум. Обжигающий воздух Карабага довел прекрасные каналы на берегах Аракса до кипения, как огненные реки Хамим и Гасак. Из-за изнуряющей жары змеи свисали с деревьев, как тюльпаны в цветниках; камешки на полях, нагретые солнечными лучами, раскалились, как йеменский сердолик. Верховный эмир [Сулейман] и его войско переправились [через Куру] и подобно призракам, вновь обретшим свои тела в день воскресения, вступили в разорённую страну Ширван.

Ширваншах с остатками своего войска покинул крепость Сулут и с тысячью надежд присоединился к эмирам. Однако Сулейман-бек отправил государю письмо о том, что войско ширваншаха так напугано набегами шейха Хайдара, что в день сражения ему лучше бы оставаться на своих местах и содействовать успеху похода молитвами, ибо молитвы обиженных принимаются. На другой день [эмиры] совместно переправились через реку Самур и поспешили в направлении Дербента. Они слышали, что шейх двигается в сторону Табасарана и Зирихгарана. Шуджа ад-Даула Сулейман-бек опасался, что шейх может спастись в Табасаране и укрепиться в Зирихгаране. Он кинулся вслед за ним ускоренным маршем и застал его у подножия горы Албурз (Кавказский хребет).

В среду 29 раджаба 893 года (9 июля 1488), когда литавры солнца были погружены на спину слона горизонта и армия света разогнала абиссинское войско тьмы, у подножия Албурза, спиной к горам и лицом к сражению появилось чёрное пятно войска Хайдара. Суфии выстроились в [боевом] порядке. Шейх со всеми своими людьми занимал сильную позицию, которой извне никто, как он думал, не может угрожать, в то время как из числа его противников на равнине не более 200-300 будут в состоянии обнажить сабли; к тому же, когда начнётся битва, им придётся нападать вверх по склону и действовать своим оружием высоко в воздухе.

Мужественные эмиры, оказавшись лицом к лицу с врагом, ринулись на него, как сокола на голубей. Их центр и правое и левое крылья находились в боевом порядке, тогда как центр их врага был лишён своих флангов. Центр государева войска был укреплён присутствием Шуджа ад-Даула Сулеймана, тогда как Захир ад-Даула Ибрахим-бек ибн Джихангир был в засаде. Армии сблизились, и бой закипел. Барабаны и трубы возвестили о разгроме неверных. Витязи Ак-Койунлу направляли свои копья и кинжалы, как зубы голодного волка против бараноподобных носителей шерстяного одеяния, но и суфии сражались храбро. Хайдар совершал подвиги мужества. Так как он расположился в узком горном ущелье, государево войско из-за гор и пропастей и несмотря на свою силу и численность не было в состоянии сразу развернуться, чтобы встретить врага лицом к лицу, но было вынуждено вступать в бой отряд за отрядом.

Первым показал свою доблесть Вали-ага эшик-агаси. Центр Сулейман-бека столкнулся с центром шейха [Хайдара]. Хасан-ага Устаджлу из эмиров Шамлу, обесчестивший себя тем, что взбунтовался вместе с шейхом, узнал Сулейман-бека и показал его шейху, тогда как Сулейман искал шейха, чтобы сбить его гордыню. Он бросился вперёд один, не взирая на суфиев, столь многочисленных, что их копья были подобны лесу. Он столкнулся с шейхом и своим копьём выбил его из седла, после чего, гарцуя на своём боевом коне и нанося удары направо и налево, он вернулся в свой корпус и встал в центре около своего знамени, как второй Александр [Македонский], годами молодой, но опытом старый.

Битва снова разгорелась. Шейх Хайдар атаковал левое крыло, умертвив многих витязей, а затем вновь повернул в сторону центра. Ввиду того что линия фронта была очень узка, воины выстроились в боевом порядке на одной стороне глубокого узкого ущелья, и стоило ногам чьего-либо коня поскользнуться, как всадник оказывался на дне долины. Воины шейха предприняли атаку, и копье поразило эмира Сулейман-бека. Последний страдал ревматизмом в ноге и из-за ран, нанесённых копьём и стрелой, истекал кровью. Пока кипел бой, жара надорвала жилы его сил и затрудняла его дыхание. Его слуги сняли его с коня, приготовили для него место для отдыха и соорудили навес над его головой. Таким образом центр войска оказался обнажённым, и знамя пошатнулось. В этот тяжёлый час подоспел эмир-заде Ибрахим-бек [ибн] Джихангир и силой своего мужества восстановил положение в центре.

Неверные суфии тюркского происхождения рассчитывали, что никто не согнётся, кроме их луков, и никто не падёт на землю, кроме их стрел. На другой стороне храбрые воины сидели на земле со спинами, согнутыми как луки, а рты стрелков, как и их стрелы, были покрыты кровью, когда вдруг стрела, выпущенная рукой судьбы, вонзилась в шейную вену мятежного шейха. Видя шейха в бессознательном состоянии, суфии по необходимости решили спастись бегством и отступить таким образом, чтобы никто не понял, что происходит. Они окружили шейха и покинули битву, все ещё пытаясь вести тыловые бои. Когда воины поняли, в чем дело и напали со всех сторон на незащищенную толпу, суфии сняли шейха с его коня и, как пожирающий падаль волк охраняет свою дохлую добычу, образовали круг вокруг него и пытались отбить и задержать [нападающих]. Но их силы иссякли и витязи Ак-Койунлу прорвали их круг. Несчастные суфии удалились, оставив раненого шейха в унизительном положении в руках врагов. Али-ага капучи изъял зло шейха из мира, а его голову — от его безвредного трупа и принёс её эмиру. Увидев, что шейх мёртв, суфии немедленно, как смертники, возвратились в битву и храбро сражались. Ни одному смертному никогда не приходилось видеть войско, которое бы так сражалось после потери своего предводителя, но государево войско перебило их и оставило их обезглавленные тела диким зверям.

Эмиры с телами, покрытыми ранами, но с сердцами, исполненными ликования, отправили гонца с донесением о событиях и головой шейха Хайдара. Во вторник 6 ша'бана (16 июля 1488 г.) он достиг юрты в Арвана-кухе. Ввиду того что в глазах государя эта падаль, набитая соломой, не имела даже цены мешка соломы, не было сочтено нужным отправлять её какому-либо владыке, как это обычно делается, и был отдан приказ ради гласности выставить голову на пару дней, а затем передать ее его матери".

Как пишет Аббас-кули Бакиханов, шейх Хайдар "был убит стрелою, и приверженные к нему табасаранцы похоронили его в деревне Тинид. В “Футухат-и Амини” говорится, что сын шейха Хайдара, шах Исмаил, спустя 22 года перенес его прах в Ардебиль. На месте смерти шейха Хайдара и над могилою, где лежало его тело, и теперь существует памятник, куда стекается народ на поклонение".

216-831. Падение Палермо

30 раджаба 216 года от Хиджры (12 (16) сентября 831) после годичной осады объединённые силы мусульман Сицилии, Испании и Африки овладели Палермо. Падение второго по значению города Сицилии стало возможным после того, как на помощь единоверцам прибыли корабли из Испании во главе с берберским флотоводцем Асбагом ибн Вакилем и из Ифрикии, посланные аглабидским правителем Зиядатуллахом I. Ожесточенная борьба за остров продолжалась еще более семидесяти лет, пока в 902 году под натиском мусульман не пал последний оплот ромеев — крепость Таормина. На Сицилии расцвела арабо-мусульманская цивилизация, а Палермо превратился в один из важнейших торговых портов Средиземноморья.

Первые годы правления византийского императора Михаила II Травла ознаменовались борьбой с мятежом Фомы Славянина, который объявил себя императором и двинулся к Константинополю. В борьбе против непопулярного и эгоистичного Михаила приняли участие и отдалённые

провинции империи. Одной из них была Сицилия, где освободительное движение начал турмарх Евфимий. Судя по должности, он занимал второй военный чин в администрации фемы. Для установления контроля над островом в 826 г. на Сицилию прибыл стратиг Фотин, который получил от императора приказ наказать Евфимия, отрезав ему нос за то, что тот насильно взял в жены понравившуюся ему монахиню. Евфимий сумел нанести поражение Фотину и казнил его, но его власть была шаткой. Один из назначенных им наместников, называемый в арабских летописях Балатом (Палатом), а также находившийся с ним в родстве Михаил Палермский перешли на сторону византийского императора. Находясь в затруднительном положении, Евфимий вместе с верными ему отрядами отправился в североафриканский порт Сус, намереваясь предложить аглабидскому правителю Зиядатуллаху ибн Ибрахиму (817 — 838) верховную власть над островом на следующих условиях: Евфимий должен был править островом с титулом императора, но платить джизью аглабитскому эмиру, который, в свою очередь, должен был оказывать Евфимию военную поддержку.

Поскольку поддержка мятежного военачальника означала объявление войны Византийской империи, эмир Ифрикии вынес вопрос на обсуждение улемов Кайруана. Сдерживающим обстоятельством был мирный договор 813 года между аглабитским правителем Абу аль-Аббасом Абдуллахом ибн Ибрахимом и сицилийским патрицием Григорием, и богословам предстояло установить факт его нарушения сицилийцами. Среди условий 10-летнего соглашения был вопрос об обмене военнопленными и безопасности мусульманских купцов в Сицилии и византийских в Африке. Когда были получены свидетельства о том, что в сицилийских тюрьмах томились мусульманские пленники, кадий Кайруана Асад ибн аль-Фурат заявил, что договор утратил силу. До переезда в Ифрикию этот богослов учился в Медине у имама Малика, а в Ираке у двух учеников Абу Ханифы — Абу Йусуфа и Мухаммада аш-Шейбани, и поэтому он пользовался огромным авторитетом у Зиядатуллаха и остальных мусульман. В результате общее мнение склонилось к тому, чтобы начать военную экспедицию против Сицилии и поручить командование армией самому Асаду ибн аль-Фурату.

Когда мусульманская армия, состоявшая из 10 тысяч пехотинцев и 700 всадников, была готова к отплытию из порта Сус, Асад ибн аль-Фурат произвёл смотр войск и произнёс ободрительную речь. 14 июня 827 г. флотилия из 100 судов отправилась к берегам Сицилии и через три дня вошла в гавань Мадзара, где Евфимий рассчитывал встретиться со своими сторонниками. Сразу после высадки выявились противоречия между интересами мусульман и христиан. Несмотря на уверения Евфимия, Асад ибн аль-Фурат отказывался довериться ему полностью и не объединил силы мусульман и христиан. Из-за плохой координации войск первое столкновение на острове произошло по ошибке между отрядом мусульман и сторонниками Евфимия, которые, попав в плен, тотчас были отпущены. Когда же дело дошло до вооружённых столкновений с византийскими отрядами, Асад ибн аль-Фурат попросил христиан во время боев держаться в стороне, а во избежание новых казусов иметь какой-нибудь внешний отличительный знак. С тех пор ветка растения на голове отличала сторонников Евфимия от прочих византийцев.

Получив сведения о приближении отряда под командованием Балата, мусульмане выступили навстречу противнику и нанесли ему разгромное поражение. Судить о численности византийского гарнизона на острове трудно, поскольку сведения на этот счет в мусульманских и христианских источниках разнятся. Так или иначе, но после этой битвы мусульманская армия без всякого сопротивления пересекла остров и подступила к главному городу Сицилии —

Сиракузам. Для того чтобы задержать продвижение мусульман до прихода подкрепления из Константинополя, жители Сиракуз отправили парламентёров и начали переговоры об условиях капитуляции. Одновременно они готовились к осаде, укрепляли городские стены и поспешно свозили в защищённые места церковные богатства и съестные припасы. В это же время Евфимий, ожидавший лучшего для себя развития событий, начал втайне подстрекать византийцев к сопротивлению. Когда намерения ромеев стали очевидными, кади Асад приказал осадить Сиракузы, отправив послание Зиядатуллаху с просьбой немедленно прислать подкрепление. Однако тот не мог прийти на помощь из-за нападения тосканских герцогов на североафриканское побережье.

Заняв каменоломни вокруг Сиракуз, Асад ибн аль-Фурат призвал флот блокировать порты, а сам сделал несколько вылазок и сжёг византийские корабли. Осада крепости затягивалась, и мусульмане стали испытывать острую нехватку продовольствия. В войске назревал бунт, и один из недовольных даже потребовал от командующего вернуться в Африку. Кади не растерялся и резко ответил: «Я не из тех, кто позволит мусульманам, выступившим в поход, вернуться домой, когда они ещё имеют столько надежд на победу!» Видя возрастающее недовольство войска, он даже пригрозил сжечь собственные корабли и своей решительностью сумел воодушевить остальных воинов. Тем временем на помощь осажденным подоспел отряд из Палермо. Мусульмане окопали себя широким рвом, перед которым изрыли почву многочисленными ямами, что было лучшей защитой против всадников. Ромеи, безусловно, были знакомы с такой тактикой, но атаковали мусульман и понесли большие потери. В результате положение Сиракуз стало критичным, а мусульмане больше не хотели слышать о перемирии.

Однако судьба уготовила муджахидам очередное испытание: осенью 828 года в арабском лагере разразилась эпидемия чумы, унесшая жизни многих воинов и кадия Асада ибн аль-Фурата. Новым командующим был избран Мухаммед ибн Абу аль-Джевари, перед которым стояла непростая задача. Ряды мусульман поредели, противник получил подкрепление, а выход из гавани был перекрыт венецианским флотом. Понимая, что прорваться через вражеские корабли не удастся, мусульмане приняли мужественное решение: они сожгли свои суда и углубились внутрь острова. Без припасов, неся на руках раненых, ифрикийцы совершили тяжёлый переход до Минео. После трехдневной осады город сдался, и в это же время прекратилась эпидемия чумы. Вдохновленные успехом мусульмане продолжили наступление: часть армии направилась к юго-западному побережью острова, овладев городом Агридженто, а другая часть двинулась дальше на северо-запад и достигла до Энны. Жители крепости, вступив в переговоры с мусульманами через Евфимия, вероломно убили его. Во время осады также погиб Мухаммед ибн Абу аль-Джевари, и его преемником был избран Зухейр ибн Гауса. Попытки взять город штурмом не принесли успеха, и вскоре подоспевшие силы византийцев нанесли мусульманам поражение и сняли осаду города.

В руках ифрикийцев оставались только Мадзара и Минео, отделённые друг от друга сотнями миль и враждебным населением. Мадзара ещё держалась, а защитники Минео, надломленные голодом, были готовы капитулировать. Но мужественные воины проявили терпение и дождались помощи от Всевышнего. Летом 830 года на Сицилию прибыл африканский флот из 300 кораблей, посланный эмиром Зиядатуллахом ибн Ибрахимом. Одновременно из Испании приплыл флот под командованием Асбага ибн Вакиля. Африканские арабы вступили в переговоры с маврами о совместных действиях против византийцев, и те согласились при

условии, что командующим будет назначен Асбаг ибн Вакиль и ифрикийцы обеспечат его войско лошадьми. Эти условия были приняты, и объединённые силы мусульман приступили к военным действиям. Отряд мавров направился к Минео, который был осаждён византийским военачальником Феодотом, а ифрикийцы — к Палермо.

В августе 830 года Асбаг ибн Вакиль дал генеральное сражение силам патрикия Феодота. Под стенами города византийцы были разбиты, а сам Феодот пал в битве. Остатки византийского войска поспешили укрыться в Энне. На пути к этой крепости мавры осадили городок Кальтаниссетта, когда в их лагере разразилась эпидемия чумы. Смертельная болезнь сразила Асбага ибн Вакиля и нескольких других эмиров. Византийцы попытались воспользоваться замешательством в стане мусульман и перешли в наступление. В результате часть мавританского войска вернулась в Испанию, а часть примкнула к ифрикийской армии под Палермо.

Осада второго по значимости города Сицилии продолжалась целый год, с июля 830 до августа 831 года. Защитники крепости проявили героизм, сдерживая натиск мусульман, но не могли бороться с эпидемией моровой язвы. По словам Ибн аль-Асира, за время осады население крепости сократилось с 70 тысяч до трех тысяч человек! В конце концов спафарий Симеон согласился обсудить условия капитуляции и 12 сентября 831 года сдал город мусульманам, выторговав безопасность для себя и своей семьи, для местного епископа Луки и немногих знатных граждан. Все они благополучно отплыли в Константинополь. Остальное население постигла участь военнопленных.

Под властью мусульман Палермо приобрел большое торговое и военное значение. С разных уголков исламского мира сюда стекались воины, желавшие принять участие в новых походах, и сицилийские мусульмане начали организовывать набеги на итальянское побережье. С другой стороны, Сицилия превратилась в центр соприкосновения латинской, византийской и арабо-мусульманской культур. Неслучайно в Высокое Средневековье интерес к наукам и искусствам в Сицилии и Южной Италии был намного выше, чем во многих других областях Европы.